

Генерозова Серафима Андреевна

Тюменский государственный университет (ТюмГУ),

Тюмень, Россия

severrina_folk@mail.ru

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ ПРОПП КАК ПЕРСОНАЖ ПОЭЗИИ ЛЬВА ЛОСЕВА

Ключевые слова: морфология сказки, мифологизация, травести, структурность.

В статье рассматривается проблема мифологизации личности В.Я.Проппа в поэзии Льва Лосева; анализируются произведения поэта, где Пропп выступает в качестве лирического персонажа; показана взаимосвязь между авторским мироощущением и теорией Проппа. Несмотря на выявленную полемичность позиций, Лосева и Проппа объединяет способность воспринимать действительность как определенную форму и тенденция к структурированию реальности в логике сказочного нарратива.

Generozova Serafima

Tyumen State University (TSU),

Tyumen, Russia

VLADIMIR PROPP LIKE A CHARACTER OF LEV LOSEV'S POETRY

Keywords: morphology of the folktale, mythologizing, travesty, structuring.

The article deals with the problem of V.Propp's mythologizing in Lev Losev's poetry. It is the analysis of Losev's poems, where Propp is the character of lyrics and where it is shown the relationship between author's attitude and Propp's theory. In spite of the fact that it is polemical views, Losev and Propp are united by the ability to perceive the reality like the form and the tendency to structuring reality in the logic of fairy tale's narrative.

(1) Долгое время биография В. Я. Проппа оставалась в тени, несмотря на мировую известность его трудов. Чуть ли не единственный крупный источник сведений о жизни ученого — книга Н. Я. Мартыновой «Неизвестный В. Я. Пропп» (2002). Между тем, образ Проппа вошел в мир художественной словесности. Этому способствовали, в первую очередь, поэты «филологической школы», знакомые с профессором еще со «студенческой скамьи».

Мы рассмотрим проблему мифологизации личности Проппа в поэзии Льва Лосева, особенно в стихотворениях «Под утро уда-

лось заснуть...», «Дом, именуемый глаголом...», «Документальное», где Пропп выступает в качестве лирического персонажа. Несмотря на то, что Лосев не считал себя «учеником Проппа» [Джагалов, Клоц, 2008], в его стихах не раз встречается лирический герой, который смотрит на действительность «пропповскими» глазами, а перед читателем предстает мифологизированная фигура самого ученого:

А лес в неведомых дорожках —
на деле гроб,
так нас учил на курьих ножках
профессор Пропп [Лосев, 2012, с. 42].

(2) Обратимся к стихотворению «Под утро удалось заснуть...», где концепция сказочного мира кажется продиктованной «Историческими корнями волшебной сказки» Проппа:

Под утро удалось заснуть, и вновь
я посетил тот уголок кошмара,
где ко всему привычная избушка
переминается на курьих ножках,
привычно оборачиваясь задом
к еловому щетинистому лесу
(и лес хрипит, и хлопает, и стонет,
медвежеватый, весь в сержантских лычках,
отличник пограничной службы — лес)
стоит, стоит, окошками моргает
и говорит: «Сия дуэль ужасна!»
К чему сей сон? При чем здесь Алешковский?
Куда идут ремесленники строем?
Какому их обучат ремеслу?
Они идут навстречу.
Здравствуй, племя
младое, незнакомое. Не дай
мне Бог увидеть твой могучий
возраст... [Лосев, 2012, с. 42].

Зооморфная избушка, «привычно оборачивающаяся задом» к лесу, и сам «отличник пограничной службы», по Проппу, как раз являются «опознавательными знаками» пограничной или переходной зоны для волшебной сказки. («Лес окружает иное царство, дорога в иной мир идет через лес» и «избушка стоит на какой-то видимой или невидимой грани, через которую Иван никак не может перешагнуть» [Пропп, 2002, с. 41–42]). Исследователь отмечает, что «всякое попадание героя в лес вызывает вопрос о связи данного сюжета с циклом явлений посвящения» [Пропп, 2002, с. 40]. Таким об-

разом, «племя младое, знакомое», в стихотворении Лосева представленное отрядом «ремесленников», должно пройти проверку «на прочность» в сказочном пространстве — своеобразное посвящение или инициацию. Здесь тему стихотворения конкретизирует еще и аллюзия на Пушкина («Вновь я посетил...») — это смена эпох, поколений.

Таким образом, становится понятен выбор мифологического сюжета — путешествие с испытаниями, преодолев которые молодое поколение становится дееспособным, т. е. в данном контексте — полноценным преемником чекистов. По Проппу, подготовить героя к преодолению границы (лес) должен особый персонаж — даритель. Обычно этим персонажем является Яга: она оценивает, испытывает героя и награждает волшебным средством, которое необходимо ему для дальнейшего пути [Пропп, 2002, с. 36]. В нашем случае предполагаемые функции дарителя должны бы перейти избушке. Но, как мы видим, в стихотворении Лосева «ко всему привычная избушка» вдруг оказывается в несвойственном ей состоянии полной растерянности («стоит, окошками моргает»). Она, по-видимому, не способна выполнить отведенную ей роль мифологического проводника на тот свет. Единственная фраза, в которой прослеживается попытка оценить если не героя, то ситуацию встречи, является цитатой из романа Юза Алешковского «Рука (Повествование палача)»: «Сия дуэль ужасна!».

Можно предположить, что пространство, выход из которого охраняется избушкой, знаменует современную автору Россию (намек на особенности социального строя можно заметить в таких характеристиках леса, как «весь в сержантских лычках» или «отличник пограничной службы»). Пространственная и временная замкнутость этого пространства подчеркивается повторением слов «привычная», «привычно». Оно не способно принять и выпустить «чужого» (инакомыслящего) как «своего» — это было бы нарушением многовековой историко-мифологической традиции — поэтому «младое племя», порожденное советским «лесом», в мифологический (пропповский) лес попасть не может, хотя и рвется в него.

Важно, что сказочная действительность возникает не просто так, а в пространстве сна, который требует истолкования (вещий сон): «к чему сей сон?». Предчувствие возможной трагичности такого вторжения «незнакомом племени» в чуждое ему сказочное пространство отражается в финальных строках стихотворения: «Здравствуй, племя / младое, знакомое. Не дай / мне Бог увидеть твой могучий / возраст...» [Лосев, 2012, с. 42]. Здесь не просто выраже-

но личное отношение лирического героя к тем, в чьих руках грядущее, — травестируя финал пушкинского стихотворения, Лосев придает этим заключительным фразам пророческую интонацию. Тем самым осуществляется основная функция вещего сна.

Нарушение сказочной закономерности ведет к непредсказуемому финалу — в проекции на действительность такое ощущение хаотичности, мрачное предчувствие неизвестного будущего характерно для переходных эпох (стихотворение написано в последние десятилетия XX века). Таким образом Лосев, отчасти действуя «как учил профессор Пропп», отчасти обыгрывая метод ученого, иллюстрирует свое восприятие «механизма» жизни.

(3) Подобную игру с методом можно найти в стихотворении «Документальное» [Лосев, 2012, с. 118]. Действие здесь оформлено как сюжет старой кинокартины (на это указывает само название стихотворения, прямые определения пространства действия: «ах, в старом фильме (старой фильме)», характеристики немого кино: «...простофили / свое беззвучное галдят, / ногами шустро ковыляют, / руками быстро ковыряют / и храбро в объектив глядят», «там день идет таким манером, / под флагом черно-бело-серым, / что с каждой серией — серей» и т. д.). Так же, как сказка отражает следы прошлого, «документальное» кино фиксирует уходящую реальность. Пропп отмечал, что «сказку надо сравнивать с исторической действительностью прошлого и в ней искать корни ее» [Пропп, 2002, с. 8]. Здесь, в противовес автору «Исторических корней волшебной сказки», Лосев рассматривает историческую действительность через призму сказочного действия, — в данном случае травестируя не просто сказку как таковую, а ее литературный вариант (в нашем случае — вступление к поэме «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина). И сразу все становится... с ног на голову:

Там, на неведомых дорожках,
след гаубичных батарей
<...>
В том мире сереньком и тихом
лежит Иван — шинель, ружье.
За ним Франсуа, страдая тиком,
в беззвучном катится пежо.

Такая хаотичность, деструктуризация мира противоречит самой морфологии сказки, подрывает ее основание и делает непредсказуемым исход. На первый план опять выходит страх перед будущим, которое невозможно «приручить», освоив закономерности

жизни, как можно предугадать финал волшебной сказки, если изучить ее структуру. И снова пророчески звучит грозное предупреждение для потомков (т. е. современников лирического героя):

Еще раздастся рев ужасный
Еще мы кровь увидим красной
Еще насмотримся ужо [Лосев, 2012, с. 118].

Нарушая всякие законы сказки, действует персонаж цикла «Крещеный еврей» в стихотворении-сказке «Камень» [Лосев, 2012, с. 208]. Оказавшись в типичной для сказочного героя ситуации выбора (камень на распутье: «направо пойдешь — привыкай к суме / налево пойдешь — насидишься в тюрьме / прямо пойдешь — повредишься в уме...»), лирический герой лосевской «сказки» не решает эту ситуацию, а устраняет ее — «сковырнул» камень с дороги и спокойно продолжил путь. «По-нашему, тот, кто разрушил знак, / разрушил обозначенное знаком» — такова позиция «нового» сказочного героя, и она, безусловно, полемична концепции Проппа, который «считал избушку гробом».

(4) Таким образом, для поэзии Лосева характерна именно полемика с «профессором Проппом», любое проявление его образа оказывается в диалоге (а чаще — в споре) с сознанием автора:

Я на допросе перепирался с про-
(зачеркнуто) — на зачете с Проппом.
Я думал, сказки — то, се, зло, добро,
а Пропп считал избушку гробом [Лосев, 2012, с. 257].

Тем не менее Лосев, как профессиональный поэт-филолог, по своему восприятию действительности близок именно Проппу. «У меня проклятый дар: во всем сразу же, с первого взгляда, видеть форму» — писал в своем «Дневнике» Пропп [Мартынова, 2002, с. 10]. Игра с формой, словом, смыслом — характерная черта стиля «филологической школы» в целом, но нас интересует не столько формальная логика стиха, сколько мироощущение, «вписывание» действительности в некую форму — в данном случае, форму сказки, литературного сюжета, легенды и др. Вспомним, насколько внимателен, восприимчив к форме языка, текста и реального пространства вообще оказывается Лосев. Проппа и Лосева, таким образом, объединяет именно этот «проклятый дар» — отсюда в мифологизированном пространстве становится возможной полемика между исследователем и его «учеником».

ЛИТЕРАТУРА

Джагалов Р, Клоц Я. В быту профессор красноречия...: Беседа Томаса Венцлова и Льва Лосева // Журнальный клуб Интелрос: Неприкосновенный запас. № 3. 2008. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_59/2688-v-bytu-professor-krasnorechija-beseda.html (дата обращения: 22.06.2016).

Лосев Л. Стихи. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. 600 с.

Мартынова А. Н. Неизвестный В. Я. Пропп. СПб.: Алетейя, 2002. 480 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. 336 с.